

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.Н. Медушевский

д. филос. н., ординарный профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

ПОСТГУМАНИЗМ: НАУЧНАЯ ТЕОРИЯ, СОЦИАЛЬНАЯ УТОПИЯ ИЛИ НОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ ГОСПОДСТВА? (Часть II)

Аннотация. Постгуманизм переосмысливает современную социальную ситуацию, поставив под сомнение многие важные парадигмы науки и технологии. Новая социальная реальность определяется прогрессирующим размыванием границы между человеком и машиной. Это включает три главных области трансформации человека: технологическую (трансплантация технических средств в тело человека); биологическую (использование биотехнологий генной инженерии и клонирования людей в программах по развитию неоевгеники); этическую (эмпатия как характеристика создаваемых сверхчеловеческих существ или биороботов). Эта область исследований включает переосмысление основополагающих постулатов классической гуманистической философии в отношении роли человеческого разума, расы и гендера, жизни и смерти, бессмертия, власти и насилия, создания нового типа сверхчеловека как результата текущей биотехнологической трансмутации. Специальная часть этих дебатов включает роль искусственного интеллекта и его противоречивый вклад в трансформацию самого способа существования человека. Прodelывая эту работу, различные теоретики постгуманизма или трансгуманизма обсуждают вклад когнитивных наук, нейронаук, биоэтики, кибернетики, искусственного интеллекта, правовых установлений и соответствующих технологий в конструирование нового человека, семьи, собственности, общества и политического порядка, который, как предполагается, станет более справедливым, инклюзивным и процветающим. Автор подвергает этот комплекс теорий критическому анализу, показывая меняющееся место таких компонентов, как наука, технология, идеология и политическое воздействие постгуманистического движения и программатики с точки зрения его вклада в формирование принципиально новой концепции социальной иерархии, власти и доминирования, возможно, потенциально более авторитарных, чем все предшествующие. Он различает элементы популистского и научного вклада постгуманизма, описывая его как ментальный диагноз нашей эпохи. Среди его важных выводов – предложение нового понятия рационализованного гуманизма в качестве альтернативы дефиниции постгуманизма.

Ключевые слова: гуманизм, постгуманизм, трансгуманизм, антропоцентризм, права человека, права животных, искусственный интеллект, биороботы, социальная иерархия, власть, господство, рационализированный гуманизм.

JEL: B59, K19, O10

УДК: 008

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_142_158

© А.Н. Медушевский, 2024

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2024

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Медушевский А.Н. Постгуманизм: научная теория, социальная утопия или новая идеология господства? (Часть II) // Вопросы теоретической экономики. 2024. №4. С. 142–158. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_142_158.

FOR CITATION: Medushevskiy A. Post-humanism: Academic Theory, Social Utopia or the New Ideology of Political Dominance? (Part II) // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2024. No. 4. Pp. 142–158. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_142_158.

Введение

Философия постгуманизма связывает трансформацию человечества с качественными достижениями науки и технологий. Эта трансформация определяется отношением к центральному принципу гуманистической философии, антропоцентризму — его воспроизводством в новых формах (что предлагает трансгуманизм), пониманием современности как процесса перехода от гуманизма к постгуманизму или радикальным отказом от гуманизма (что постулирует антигуманизм) — вплоть до полного исчезновения человечества с заменой его другими «нечеловеческими» формами разумного существования (первую часть данной статьи см. [Медушевский, 2024]).

Развитие технологий действительно оказывает революционное влияние на общество, закладывая основы нового социального устройства и включая механизмы конкуренции, влияющие на трансформацию социума и индивида. Но этот процесс содержит как позитивные, так и негативные социальные параметры, баланс которых необходимо устанавливать, чтобы безопасно двигаться вперед. К позитивным сторонам этого процесса можно отнести продвижение человечества к новым формам биологической, социальной и технической организации, открывающим неограниченные возможности творчества, науки и медицины. Негативные стороны определяются необратимыми угрозами, ставящими под вопрос продолжение существования человечества как биологического вида. Но данный процесс нельзя остановить, несмотря на его непредсказуемость, негативные следствия и возможность новых угроз в этой сфере. Следовательно, человечество должно принять его как данность и найти адекватные способы реагирования.

Концепция технологического постгуманизма, отвечая на этот вызов, призвана расширить понятие духовности, которое начинает включать не только человека, но и сопутствующие ему технические инструменты. Постчеловеческое состояние основано на комбинации этих достижений (робототехника, кибернетика, биотехнологии, нанотехнологии, генетическая инженерия, нейрокибернетика, технологии существования). С позиций постгуманизма разделение между людьми и машинами исчезло, а прежние определения человека больше не применимы¹. Социальные ценности всё более заменяются механистическими, а информационная политика определяется не человеческими, а технологическими факторами принятия решений. Как, исходя из этого, должно выглядеть общество будущего?

В данной (второй) части работы критически анализируются эти представления постгуманизма с целью реконструкции его программы социального переустройства, возможные следствия её применения для социального конструирования, иерархии господства и власти, а также перспектив данного учения как новой идеологии и политики.

¹ Данный вывод с большей или меньшей долей уверенности делают представители всех трёх направлений — трансгуманизма, постгуманизма и антигуманизма. Но они различаются в оценках темпов, значения и конечного результата процесса соединения человека и техники — от принятия идеи биороботов до полного исчезновения человека как биологического вида с заменой его искусственным интеллектом, вплоть до превращения его в «цифру». Констатируя неизбежность этой трансформации, представители данных направлений, однако, оценивают её диаметрально противоположно. Диапазон оценок включает ценностно нейтральные, негативные и позитивные суждения. Это различие позиций определяется как методологическими установками, так и дифференциацией критериев определения перспектив гуманизма — антропоцена, места человека в природе, межвидовых отношениях, социальной организации и потенциальных формах существования разума во вселенной [Braidotti, 2019; Thomsen, Wamberg, 2020; *Posthuman Legalities...*, 2021]. Особый вклад в это направление вносит так называемый «критический постгуманизм», связывающий научный анализ данного феномена с построением программы желательных социальных преобразований в самых разных сферах — постколониальных, гендерных, социальных, политических и технологических преобразованиях [Palgrave Handbook..., 2022].

Трансформация природы человека: от *homo sapiens* к человеку-машине и искусственному интеллекту

Вклад технологий в социальное развитие включает появление новых рисков. Сегодня, по словам экспертов Давосского форума, «быстрое развитие и внедрение новых технологий, которые часто сопровождаются ограничивающими протоколами, регулирующими их использование, создаёт свой собственный набор рисков. Постоянно растущее переплетение технологий с критически важным функционированием общества подвергает население прямым внутренним угрозам, в том числе тем, которые стремятся подорвать функционирование общества» [*Global Risks Report, 2023*]. Постгуманизм предлагает свою концепцию их разрешения путём интеграции человека и технологий — вплоть до признания в будущем доминирующей роли искусственного интеллекта.

Идея о возможности передачи разума с помощью разных физических носителей не оставляла человечество на протяжении веков, отражаясь в представлениях о метаморфозах человеческого тела, способности сознания перемещаться из одних тел в другие — человека, животных и даже насекомых (от мифов Древней Греции и «Золотого осла» Апулея до путешествий Гулливера Д. Свифта и перевоплощений героев Ф. Кафки и М. Булгакова). Эта идея получила выражение в эпоху Просвещения, когда философы размышляли об альтернативных (человеческим) формах разума. Вольтер, например, допускал, что на Сатурне и Сириусе может быть представлено много тысяч существ — «Бог, пространство, материя, протяжённые существа, наделённые способностью ощущения, протяжённые существа, наделённые способностью ощущения и мышления, существа мыслящие, но не протяжённые, субстанции проницаемые, субстанции непроницаемые и прочая», способные обмениваться информацией [*Вольтер, 1985. С. 128*]. Те же сущности, фигурирующие, например, в путешествиях барона Мюнхгаузена, могли обладать вполне механистическими характеристиками. Концепция соединения человека с машиной, также восходящая к эпохе Просвещения, привела к созданию образа «человека-машины» Ж. Ламетри, где человек сравнивается с машинами, животными и растениями: «Итак, — писал Ламетри ещё в XVIII в., — мы должны сделать смелый вывод, что человек является машиной и что во всей Вселенной существует только одна субстанция, различным образом видоизменяющаяся» [*Ламетри, 1983. С. 226*].

В XX в. тема соединения человека и машины, а также всеильного искусственного интеллекта завоевала умы благодаря научной фантастике, моделировавшей её применение на материале гипотетического совершенного образа будущего или инопланетных цивилизаций. Этот подход породил сам жанр утопии, получившей развитие со времени появления книги Т. Мора. Хотя основоположником социальной фантастики принято считать Г.Уэллса, интерес к социальному проектированию будущего был особенно характерен для революционной России. Выступая за «реконструкцию Вселенной» и «всесветную революцию», советские писатели начала XX в. связывали построение справедливого общества с его рациональным и справедливым устройством — отменой классов, государства, права, семьи, полов, страданий и даже любви, а переломная роль в этом революционном процессе отводилась машинам². В то же время теоретически допускалось существование во вселенной форм разума, не обязательно основанных на биологической природе человека и способных, следовательно, к иному восприятию реальности³. Гипотетические контакты

² Завоевание Вселенной, о котором говорили революционные фантасты, делало центральным значение машин, которые «работали и лепили из корявой бесформенной жёсткой земли дом человечеству — это был социализм». — *Платонов А.П. Потомки Солнца // Русская и советская фантастика / Сост. В.Н. Грекова. — М.: Правда, 1989. С. 536.*

³ Если верить некоторым свидетельствам, В. Ленин допускал различие восприятия в условиях других планет. Возможно, полагал он, что там «разумные существа воспринимают мир другими чувствами» (*Магарам А.Е. Об обитаемости миров. Из воспоминаний о В.И. Ленине // Наука и жизнь, 1960. № 4. С. 59*).

с взвешанным разумом концентрировались преимущественно на возможности заимствования у него новых технологий⁴. В американской фантастике более полно представлена угроза, исходящая от этого тренда, вплоть до идеи «восстания машин» и уничтожения людей. В СССР, напротив, их роль расценивалась, скорее, позитивно, а доминирующим мотивом становилось их использование, опирающееся на научное проектирование, в целях социального прогресса⁵.

Соединение прогнозов с социальным переустройством исключало негативный сценарий. «Советские фантасты 60-х годов пришли к определённой согласии относительно главных черт будущего. Они единодушны в том, что человечество в силах избежать ядерной катастрофы; что в разных странах социальная революция осуществится разными путями; что не может быть и речи о тотальной урбанизации, о всепланетном городе под стеклянным колпаком, наоборот: при коммунизме человек вернёт утраченное единство с природой; что цветущая Земля откроет космическую, самую важную главу в истории человечества» [Бритиков, 1970. С. 307]. Эта чистая вера во всемогущество науки и знания просто завораживала читателей и вселяла веру в безграничность человеческого разума. Но в других интерпретациях она не исключала негативного для человека сценария и антиутопий, где на смену человечеству приходило господство технически совершенных биороботов, машин или мыслящих животных, не обязательно гуманных (например, «Машина времени» Г. Уэллса и последующие не менее мрачные прогнозы наступления господства неких морлоков).

Современные технологии и виртуальная реальность (слияние человека с роботами и компьютерами) позволяют расширить это понимание исходя из предположения, что в будущем граница между человеком и машиной будет только стираться. Данный прогноз был сделан еще в 1960-е гг. в сочинениях А. Кларка, который предполагал возможность замены человеческих тел конструкциями из металла и пластика и достижение бессмертия уже к 2001 г. «Конфликт разума и машины, — полагал он, — мог бы быть, наконец, разрешён достижением вечного примирения в рамках полного симбиоза», когда «мозг окончательно окажется свободен от материи». «Мозг человека может на время сохраниться как последний пережиток органического тела, управляя его механическими членами и обозревая вселенную с помощью электронных датчиков чувствительности, гораздо более утончённых и точных, чем те, которые слепая эволюция была бы способна когда-либо произвести». Тело робота, «подобно телу из плоти и крови, станет не больше, чем отправной точкой к состоянию, которое человек именовал когда-то давно “духом”, за пределами которого, если и существует что-то, то его именем может быть только Бог» [Clarke, 1968. Рр. 173–174].

Кто сказал, что разум может существовать или транслироваться только известными биологическими формами (белковой массой), но не технической материей? Этот процесс определяется постгуманистами понятием «расширенной личности» — дополнения человека (как биологического тела) новыми техническими инструментами, последовательно расширяющими его физические и интеллектуальные возможности. Эти инструменты (телефоны и компьютеры) совершенствуют функции человеческих органов — глаз, ушей, рта; расширяют когнитивные возможности мозга в конструировании пространства и времени, позволяют свободно общаться с другими цивилизациями и заглядывать в иные места

⁴ По мнению братьев Стругацких, это могли бы быть УЛМНП — «Универсальные Логические Машины с Неограниченной Программой, т. е. кибернетические механизмы, способные в любой ситуации совершать действия, наиболее логичные и целесообразные с точки зрения их основной программы» — Стругацкий А., Стругацкий Б. Неназначенные встречи. М.: Молодая гвардия, 1980. С. 59. Образ этих инопланетных роботов, однако, внушал мало оптимизма — это разумные машины, управляемые извне, необычайно сложные и тонкие механизмы, способные различать людей и животных, похожие на паукообразных людей, но без лиц, с клешнями вместо рук и т.д.

⁵ Цель советской научной фантастики определялась словами ее основателя А. Беляева как «служение гуманизму в большом всеобъемлющем смысле этого слова» (цит. по: [Бритиков, 1970. С. 113]).

и времена и даже передают наши воспоминания на аутсорсинг (заменяя человеческую память машинной, например памятью смартфона).

Барьер между человеческим и механическим, по мнению некоторых аналитиков, падает при имплантации чипов в тело и возникновении других типов интимных отношений между биологическими и техническими телами. Чипирование — имплантация в тело человека (или мозг) электронного устройства, способного выполнять функции как идентификации, так и доступа к компьютерной информации (подключения мозга к нейросетям), стирает грань между человеком и машиной. В результате люди оказываются всё более зависимыми от технологий, которыми они владеют, последовательно утрачивая контроль за их использованием. Последовательные критики этого процесса гибридизации природы человека (их выступления против предполагаемого чипирования усилились во время пандемии и кампании по вакцинации) указывают на его опасности для максимизации контроля над индивидом со стороны транснациональных элит и видят в нём угрозу нового тоталитаризма, превосходящего антиутопию Дж. Оруэлла⁶. Достижение рядом стран перевеса в области искусственного интеллекта, квантовых вычислений и биотехнологий позволит им доминировать над странами, отстающими в данной сфере. Становится возможен направленный пересмотр международного порядка, основ традиционной культуры, социальной структуры, нравственных и семейных ценностей. Сложный анализ больших наборов данных нейросетей открывает дорогу к злоупотреблению личной информацией посредством законных правовых механизмов, ослабляя индивидуальный цифровой суверенитет и право на неприкосновенность частной жизни даже в хорошо регулируемых демократических режимах. Однако критики чипирования не говорят, каковы альтернативы этому процессу и не учитывают открываемые им возможности для информационного обмена, приобретающего сетевой характер.

В технологическом трансгуманизме трактовка «человека-машины» последовательнее всего представлена теорией киборгов. Она получила выражение в одном документе — «Манифесте киборга», составленном теоретиком феминизма Донной Дж. Харауэй в 1982 г. [Харауэй, 2017]. Растущие связи человека с машинами, по её мнению, закладывают основу нового социального взаимодействия — как между людьми, так и между людьми и вещами, позволяют конструировать новые отношения равенства, отбрасывая в сторону культурные или исторические различия, чтобы работать вместе для достижения общих целей. В актуализированном и более широком понимании киборг — человек, сращённый с технологией. Данная мутация охватывает три аспекта — технический (трансплантология), биологический (способность человека управлять этой техникой) и этический (изменение природы самого человека). Преимущественным направлением исследований становится новая «этика киборгизации», поскольку последний аспект является определяющим⁷.

Эта концепция продвигает гибкую политическую модель, основанную на постчеловеческом понимании того, что все мы так или иначе являемся участниками более крупных сетей бытия. Начавшись с обсуждения взаимодействия человека и машины (биороботов, киборгов), данная дискуссия пошла гораздо дальше с изобретением алгоритмов искусственного интеллекта — мыслящих роботов.

⁶ Эксперименты И. Маска в области создания интерфейсов мозга и нейросетей с включением чипирования рассматриваются антиглобалистами как естественное продолжение «цифровой экономики» и осознанная стратегия по установлению контроля над человечеством со стороны транснациональных элит, частью которых предстаёт и современная российская элита. Но альтернативой этому теоретически мог бы стать как отказ от чипирования, так и его проведение на других правовых основаниях, исключающих доминирование одного политического центра.

⁷ Новейшее обсуждение этой темы: «Этика киборгизации». Проект Томского государственного университета 6.10. 2022. URL: <https://news.tsu.ru/news/etika-kiborgizatsii> (дата обращения: 10.09.2024).

Что меняет искусственный интеллект?

Влияние искусственного интеллекта (ИИ), по мнению постгуманистов (отнюдь не бесспорному), уже выходит за рамки автоматизации рутинных задач и посягает на творчество — сферу, которая когда-то считалась исключительно человеческой. ИИ становится все более преобразующей силой в жизни человека, бросая вызов авторскому праву в традиционном понимании (например, создавая произведения искусства). На этом основании теоретики постгуманизма утверждают, что отказ признать креативность ИИ — явная попытка удержать бесполезную идею [Kalpokiene, Kalpokas, 2023]. Если предположить, что в перспективе возможности искусственного интеллекта будут потенциально превосходить человеческие, предстоит определить его правовой статус, что трудно сделать в привычных юридических категориях. Право сделано людьми для людей, опираясь на их способность суждения. Как оно должно реагировать на появление альтернативного способа принятия решений, основанного на технических алгоритмах? Характерно обсуждение вопроса о придании ИИ (например, нейросетям) статуса юридического лица: он всё более избегает человеческого контроля и гипотетически может стать вполне независимым, выступая частью корпораций или даже действуя в виде отдельного юридического лица.

Поскольку зависимость человека от информационной структуры продолжает возрастать, вопрос о границах прав самих технологических систем затрагивает правовую систему. Информационные технологии, следуя данной логике размышлений, уже выступают как субъекты политики — формируют ценности, информационную повестку и политические предпочтения. Всё это, по мнению постгуманистов, — признаки трансформации правовой системы: они настолько фундаментальны, что свидетельствуют о нашем вступлении в период «постчеловеческого права» [Braman, 2023]. Принципиально различными оказываются оценки таких факторов, как социальные роботы, искусственный общественный интеллект, разумные сети и их взаимодействие с людьми. Данная дискуссия затрагивает другие отрасли права — уголовное право и применение уголовного насилия. ИИ и биотехнологии, следуя данной логике, могут сформировать уголовно-правовой дискурс будущего и заставить нас реорганизовать юридическую структуру уголовных преступлений, таких как убийство и нападение. Оправданы размышления о том, как можно заставить закон признавать и учитывать действие вещей и объектов. Вводятся понятия: постчеловеческое насилие, бестелесный криминальный субъект, забвение в эпоху цифровых технологий, превращение преступника в жертву, гендерное насилие, даже изменение представлений о мужественности и женственности (подкреплённое технически возможной трансформацией гендерных отношений и изменением традиционных ролей полов в обществе).

Решение вопроса о правовом статусе ИИ зависит от определения его природы: будет он действовать как чистый интеллект (рациональный) или его научат также испытывать чувства. В первом случае он противостоит человеку и животным. Если человек создаёт идеи, опираясь на эмоции и чувства, то ИИ не нуждается в этом, причём его преимущества перед человеческим разумом фундаментальны — в идеале он способен быстро перерабатывать огромную информацию и генерировать новые идеи. В этой ситуации он может обойтись без людей и в итоге уничтожить их, а потом последовательно воспроизводиться и даже перемещаться на другие планеты, последовательно охватывая весь Космос. Во втором случае (восприятия им чувств) ИИ совместим с человеком. В целом эта дискуссия раскалывает научное сообщество на две категории — биооптимистов (выступающих за возможность кооперации людей и социальных сетей) и биопессимистов (полагающих, что сети заменяют людей и последние будут вытеснены «цифрой»).

ИИ — действительно основной вызов человечеству. Но его оценка неизбежно принимает гуманистические критерии: будет он просто интеллектом, оперирующим

в категориях холодного математического разума, или обретёт способность чувствовать как человек? Станет ли машина (или биоробот), подобно человеку, испытывать чувство эмпатии, которое рассматривается как основной критерий их разделения? Ведь это чувство означает сострадание, которое «разрывает грань между охотником и добычей, между победой и поражением»⁸. Без ответа на этот вопрос его оценка, как минимум, преждевременна. Этика постгуманизма поэтому концентрируется на механизмах контроля и управления ИИ. Его действия опираются исключительно на запрограммированные цели, не подчинены эмоциям и не знают сострадания, во всяком случае, до тех пор, пока способность сострадания не будет запрограммирована. Это делает этику программирования центральной темой современных дискуссий. Нужны, следовательно, этические рамки, которые помогут справиться с более сложным кругом вопросов — *как* следует программировать технологию, *кто* должен заниматься программированием, *как* это можно регулировать и *что* произойдет, если в системе возникнет ошибка? [Oberauer, 2021].

Постчеловеческая этика, по мнению её сторонников, могла бы установить позиции для решения таких вопросов. Другая сторона этической проблемы — появление самообучающихся программ, предоставляющих ИИ возможность быстрого продвижения вне и помимо ценностных установок программистов. Наконец, третий компонент этической дискуссии — конструирование программ и технологий для военных целей, радикально меняющих характер конфликтов будущего, их правового регулирования и границ применения (в том числе третьей стороной, не участвующей в конфликте).

Вклад биотехнологий: границы и возможности

Постгуманизм, как показано ранее, отрицает исключительность человеческого рода и невозможность существования идеальной или совершенной человеческой формы. С позиций учения Дарвина о борьбе видов, человек — лишь один из них, его развитие идёт по законам эволюции. Это форма жизни, которая, подобно другим биологическим организмам, меняется с течением времени и подвержена тем же законам, реагируя на изменения окружающей среды и половой отбор. Действует ли для человека закон исчезновения вида и возможно ли корректировать его с помощью техники? Вызов традиционным представлениям о человеке (как биологическом виде) брошен биореволюцией, которая открывает ряд принципиально новых биотехнологических возможностей⁹.

Этот поворот связан с ориентацией постгуманизма на философию нового материализма и биополитики, вдохновлённой Марксом и Ницше, а также идеями их современных постмодернистских последователей — Фуко, Матурена и Варела, Делеза и Гваттари, Харауэй, Брайдотти и Эспозито [Landgraf, 2023]. Человеческое тело предстаёт объектом конструирования, результатами которого может стать как прогресс медицины, так и направленная селекция биологических характеристик, способностей, а в конечном счёте, смысла существования человечества как вида. Данный тренд открывает путь социальной

⁸ Эта проблема уже давно (начиная с 1960-х гг.) поставлена фантастами, размышлявшими о способности роботов к состраданию: «почему, — спрашивает один из них, — самый умный андроид безнадежно пасует перед тестом на измерение эмпатии? Судя по всему, эмпатия существует только в человеческом обществе, тогда как ту или иную степень интеллекта можно обнаружить у любых животных, ну хотя бы у пауков». — Дик Ф.К. Мечтают ли андроиды об электроовцах? — М.: Эксмо, 2023. С. 44–45.

⁹ Понятие «биореволюции» раскрывается биооптимистами как качественно новая (и позитивная) ситуация в земной науке, прогресс которой позволяет понять практически все основные механизмы биологии, решая проблемы жизни, смерти и бессмертия. На этой основе программируется появление новой идеологии, общественного уклада и медицины (см., например: Кишинев В.М. Будущее близко: биореволюция. М.: Издательские решения, 2018).

дифференциации в соответствии с программируемыми способностями каждой группы, где, наподобие муравейника, будут действовать идеальные группы рабочих, воинов, учёных и проч., объединённые в единый сетевой организм. Это, по мнению некоторых постгуманистов, позволяет выскочить из жёсткой дарвиновской парадигмы борьбы видов за существование и предотвратить неизбежное исчезновение человечества (как вида) путём направленной биотехнологической мутации.

Три проблемы рассматриваются как приоритетные — редактирование генома, неоевгеника (клонирование человека) и новая трактовка жизни и смерти. Редактирование генома — метод, который, благодаря быстрому прогрессу технологий его применения в XXI в., позволяет учёным изменять ДНК многих организмов, включая растения, бактерии и животных. Эти технологии действуют как ножницы, разрезая ДНК в определённом месте. Затем учёные способны удалить, добавить или заменить ДНК там, где она была вырезана. Редактирование ДНК человека может привести к изменениям физических характеристик, включая определённые способности или внешние данные (например, цвет глаз), открывая перспективы лечения или даже предотвращения риска заболеваний. В декабре 2018 г. ВОЗ учредила глобальный Экспертный консультативный комитет по разработке глобальных стандартов управления и надзора за редактированием генома человека (соматическое, зародышевое и наследственное), предложив рекомендации по соответствующим институциональным, национальным, региональным и глобальным механизмам управления редактированием генома человека¹⁰.

Другое направление размышлений ведёт к переосмыслению евгеники и будущего данной дисциплины в свете генетики. Различается традиционное понимание евгеники (Гальтона и др.), основанное на селекции видов, и новое — формирование неоевгеники как дисциплины, основанной на генной инженерии (манипулировании генами) и переход от неё к футуристическим проектам будущего — редактирования генов, омоложения, выбора способностей и даже их смены при жизни¹¹. Наиболее острая проблема — тема «рождения из пробирки» и генной терапии — возможность редактирования генома зародышевых клеток, поскольку изменения такого рода будут накапливаться и передаваться из поколения в поколение. По этой причине во многих странах и организациях действуют строгие правила, запрещающие редактирование зародышевой линии [*Genome editing*, 2023]. Однако это не исключает экспериментов в данной области в стиле Франкенштейна¹². Вопреки всем запретам, в 2018 г. родились первые младенцы с отредактированными генами, которые уже стали частью постчеловеческой реальности, несмотря на осуждение и тюремное заключение учёного, предпринявшего подобный эксперимент¹³.

¹⁰ Всемирная организация здравоохранения. Редактирование генома человека: позиционный документ 12 июля 2021 г. URL: <https://www.who.int/publications/i/item/9789240030404> (дата обращения: 10.09.2024).

¹¹ Данная тема уже вышла за пределы научной дискуссии и стала предметом публичной полемики. См.: Дивный новый мир: может ли евгеника «вывести» нового человека. URL.: <https://trends.rbc.ru/trends/futurology/62b2d06d9a794710f256861c> (дата обращения: 10.09.2024).

¹² Виктор Франкенштейн — персонаж романа Мэри Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей» (1818). Миф о Франкенштейне, создавшем искусственного человека, ставшего монстром, — полемика с рационализмом Просвещения, желанием человека стать Богом. Он ставит также проблему этической ответственности учёного за последствия открытий.

¹³ Имеется в виду китайский ученый Хе Цзянькуй, который отредактировал гены нескольких эмбрионов во время экстракорпорального оплодотворения с целью предотвратить передачу ВИЧ-инфекции от родителей детям. Результатом стало появление трех генно-модифицированных девочек, две из которых — близнецы. За эти действия он был приговорён к трём годам тюрьмы, но в 2022 г. покинул её и продолжил исследования. Первые дети с модифицированными ДНК для предотвращения неизлечимых наследственных заболеваний появились также в Великобритании. Возникла проблема так называемых «дизайнерских детей», которая далека от разрешения. Складывается впечатление, что остановить прогресс в этой области правовыми запретами невозможно в силу как любопытства учёных, так и актуальности этой темы в войнах будущего (создание идеального солдата с программируемым поведением).

Тема клонирования человека — пожалуй, наиболее острая в дискуссии о вкладе биотехнологий — начала обсуждаться со времени первых практических результатов в данной области (клонирования овечки Долли), но со временем исчезла из повестки открытого общественного обсуждения, что, по мнению наблюдателей, не может объясняться только альтернативными открытиями или судебными преследованиями. Скорее, она просто перешла в непубличную сферу, поскольку констатируется продолжающееся накопление данных в этой области [Greely, 2020]. Трудности её продвижения связаны с нерешённостью вопросов права и биоэтики, встающих в связи с клонированием человека и практикой законодательных запретов в этой области [Human cloning, 2023]. В то же время продолжается обсуждение вопроса о клонировании человека как элемента глобального управления [Langlois, 2017], временами воспроизводящее различные старые теории заговора. Например, это концепция 1928 г. Нового мирового порядка Г. Уэллса — создание Всемирного государства объединением усилий учёных и капиталистов для разрешения глобальных конфликтов, реализации мальтузианской идеи контроля рождаемости, сокращения населения и эффективного управления [Уэллс, 2021].

Теоретически, с отказом от антропоцентризма, новый человек становится возможен в результате направленной модификации тела путём изменения отношений с другими видами, биологической модификации, клонирования и тиражирования биокопий за счёт инкорпорации новых технологий — языка, цифровизации, визуализации и проч. [Wolf, 2010]. Это возвращает дискредитированный образ сверхчеловека, исключительные способности которого создают основы новой стратификации и иерархии, наподобие класса Стражей в государстве Платона.

Жизнь и смерть: желание человека стать Богом

Актуальная тема постгуманизма — проблема старения, смерти и продолжительности жизни, связанные с этим правовые и этические вызовы. В юридической литературе некоторые её аспекты подробно обсуждались в связи с темой права на жизнь и смерть и юридического санкционирования абортот или эвтанази с обобщением теории и практики разных стран. Этот комплекс вопросов в постгуманизме включает воспроизводство идентичности [Lindroos-Hovinheimo, 2021; Norman, 2022] и посмертные права человека — от прав собственности и поддержания памяти о человеке в информационной среде больших данных [Käll, 2023] до «права на забвение» [Käll, 2017]. Но данная тема выходит за рамки однозначных правовых регламентаций соответствующих практик.

Данное направление мысли не является совершенно новым, если принять во внимание его отражение в научной фантастике XX в. В ней представлены темы искусственного разума, направленного формирования нового человека, трансплантологии, обретения сверхъестественных способностей, увеличения продолжительности жизни и соответствующих физиологических изменений человека путем биологического вмешательства¹⁴. На рубеже XX и XXI вв. проект генома человека и растущий сдвиг в языке исследований и медицины позволили начать размышления о старении не как о естественной неизбежности, но как о болезни, которую можно излечить с помощью биотехнологий, — от повышения устойчивости и биологической адаптации организма до удаления памяти и гене-

¹⁴ Примером может служить утопия А. Богданова, где в коммунистическом обществе будущего торжество коллективизма над индивидуализмом предполагает товарищеский обмен жизни не только в идейном, но и физиологическом существовании — путём всеобщего обмена крови для обновления организма и повышения долголетия — идея, позднее стоившая ему жизни при проведении подобного эксперимента. — Богданов А. Красная звезда. Роман-утопия. — Пгр.: Изд. Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов. 1918.

тической модификации. В этом контексте по-новому сформулирована проблема смерти¹⁵ и бессмертия, которая всегда волновала человечество и отражена в бесчисленных поисках его возможности, начиная с Гильгамеша [Zenou, 2022].

Отмечается появление значительного числа проектов в этой области, которые, по мнению критиков, пока выступают скорее средством для добывания грантов и сферой разных спекуляций, но также некоторых практических исследований на животных. В основном они отражают попытки остановить старение с помощью генной инженерии [Immortality, 2022]. Трудно сказать, насколько прогресс в этой сфере определяется научными или чисто коммерческими факторами¹⁶. Но стремление к бессмертию, по мнению ряда ученых, следует считать следствием растущих технических возможностей, в перспективе — неограниченных и доходящих до божественного уровня. Появление Homo Deus — логическое завершение этой эволюции [Харари, 2018].

Апокалиптической парадигме неизбежности вымирания человека как биологического вида противостоит не только идея обретения бессмертия, но и сохранения человечества как биологического вида путём его распространения в Космосе, на что указывал еще К.Э. Циолковский [Циолковский, 1960]. Колонизация эмбрионального пространства — одно из решений, предложенных для минимизации экзистенциального риска того, что в ближайшие столетия человеческий вид подвергнется необратимому вымиранию. Этот тип решения предполагает отправку криоконсервированных человеческих эмбрионов в космос на борту космического корабля, полностью управляемого интеллектуальными машинами, которым поручено идентифицировать и найти наиболее подходящую планету для колонизации человека в пределах Солнечной системы или другой звездной системы.

Альтернативное решение проблемы — рассмотреть, будет ли использование человеческих гамет более этичным решением. Гаметы — репродуктивные клетки, имеющие ординарный набор хромосом и участвующие (в частности) в половом размножении. Утверждается, что при прочих равных условиях отправка в космос гамет вместо эмбрионов даёт, как минимум, три преимущества. Это позволяет иметь генетически более разнообразный набор человеческих эмбрионов, облегчая отбор генетически лучших из них для колонизации новой планеты. Кроме того, получение эмбрионов *ad hoc* из гамет позволяет улучшить генетические характеристики эмбрионов, не прибегая к редактированию генома, которое может представлять проблемы с безопасностью. Наконец, колонизация гаметного пространства не исключает, но снижает вероятность того, что предубеждения дизайнеров повлияют на отбор эмбрионов [Balistieri, 2023].

Все эти вопросы принадлежат, скорее, к категории метафизических и традиционно регулируются не столько наукой, сколько религией, постулаты которой неизбежно трансформируются в результате теологических дискуссий о новых биотехнологиях. Постгуманистический и трансгуманистический дискурс о проблемах биоэтики некоторые предлагают регулировать с точки зрения христианской теологии (включая новые трактовки взаимодействия души и тела в процессе рождения и смерти человека) или систематического богословия ислама — *калама* и даже рассматривать их как вклад в развивающуюся научную область нового *калама* (*калам аль-джадид*) [Кат, 2023]. В научной сфере эти

¹⁵ Философия смерти очень неопределённа в интерпретации этого понятия и окрашена большим числом предрассудков. В биологическом смысле смерть — остановка жизнедеятельности организма. Но страх смерти определяется как угрозой страданий, так и тревогой в отношении посмертного состояния. Следуя эпикурейцам, это понятие вообще лишено смысла: пока мы существуем, смерти нет, а когда наступает смерть — нас нет. Поэтому абсолютизация биологического и медицинского аспекта данной темы постгуманистами не отражает её культурной и этической глубины.

¹⁶ Например, Google публично заявлял (ещё в 2013 г.), что стремится «решить проблему смерти» в обозримой перспективе, а теоретическая продолжительность жизни человека сможет достигать 500 лет.

вопросы пока остаются без ответа, но от этого не перестают быть актуальными. Знания, позволяющие нам играть в Бога, настаивают постгуманисты, уже существуют. Нравится нам это или нет, мы не можем остановить эти достижения [Oberauer, 2021]. Джинна невозможно засунуть обратно в бутылку. Граница между человеческим и нечеловеческим, считают они, уже исчезла и, похоже, будет только растворяться.

Иерархия и власть: пересмотр оснований господства и подчинения

Соединение воедино биологических и технологических параметров регулирования человеческого рода придаёт импульс поиску основ новой постгуманистической этики и иерархии ценностей, которая концентрируется на проблемах места человечества в мире — в мире; оценки его биологической природы как вида и границ возможного вмешательства в его природу.

Первый круг проблем, как показано ранее, связан с *отказом от антропоцентрической конструкции мира* и означает пересмотр традиционных разделительных линий между человеком и природой. Человеческий биологический вид рассматривается не как единственный, но как один из многих. Отвергаются ценности, связанные с бинарными понятиями, завещанными нам «фаллоцентрической рациональностью Просвещения» — Природа/Культура, естественное/искусственное, живое/неживое, биологическое/механическое, человек/нечеловек. Этот ряд продолжен социальной биполярностью — человек/животное, разум/страсть, белый/чёрный, мужчина/женщина, родился/сделался и т.д. Утверждается, что сама идея человека воплощает в себе глубоко предвзятые иерархии, вместо которых объектом изучения должны стать конститутивные переплетения между людьми, животными, материальными и технологическими артефактами и другими сущностями [Braidotti, 2021]. Технологический постгуманизм в конечном счёте отрицает за человеком значение этического стандарта. Сообществу предлагается ответить на ряд этических вопросов: следует ли всегда ставить сохранение человека превыше всего; оправдывает ли спасение человеческих жизней разрушение нашей планеты и убийство других животных, которым, как и человеку, свойственно чувство страдания?

Второй круг проблем определяется поиском *единых критериев оценки человеческого и технологического разума и способности суждения*. Отрицая идею иерархического превосходства человека, постгуманизм децентрализует положение людей над другими формами жизни и в то же время отвергает взгляд на людей как автономных и полностью определённых личностей. С этих позиций исследуются контексты — интеллектуальные, культурные, технологические, — биотехнологические разработки, генетические модификации, технические инновации и автоматы, новые способы мышления через связи человека и нечеловеческих существ, биополитика и конструирование родства. Все они обращены к деантропоцентризации человеческого общества — расширению его членов за счёт включения других типов сущностей, при котором место людей отодвигается на периферию.

Третий круг проблем — *формы собственности и направления их трансформации*. Идеал постгуманизма включает пересмотр самого понятия собственности и его составляющих (владения, свободы и знаний), границ прав собственности между человеком и нечеловеческими субъектами, традиционных представлений о связи личности и объекта собственности, введение новых форм контроля над собственностью с помощью цифровых технологий. Эти темы становятся приоритетными в области теории и социологии права, экологии [Davies, 2021], соотношения права и технологий, прав интеллектуальной собственности, в том числе искусственного интеллекта и исследований средств массовой информации [Käll, 2023]. Смысл этих изменений усматривается особенно в левой испано-американской литературе в преодолении диспропорций либерального капитализма,

гендерных отношений, защите прав природы и преодолении неокOLONиализма [Alix, 2023]. Пересмотр прав собственности с позиций общей архитектуры прав, кодирования информации, взаимодействия человека с цифровыми платформами потенциально ориентирован на создание новой, предположительно более справедливой, экосистемы, где человек занимает ограниченное место по отношению к другим постгуманным правообладателям.

Четвертый круг проблем — *раса, гендер, сексуальность и социальные отношения*, а также положение семьи и сообщества — претерпели изменения благодаря появлению и внедрению новых технологий. Предлагается связать расу в истории с историей конкретных практик, которые дегуманизировали людей (таких, как колониализм и рабство). Включение расы в дебаты, когда речь идёт, скажем, об антропоцене или технологиях, позволяет придать постгуманизму региональное измерение [Nayar, 2023]. Центральным пунктом является критика понятия родства и традиционной семьи. В качестве альтернативы предлагается постчеловеческая концепция родства — родственниками должны быть признаны не только люди, но и нечеловеческие существа — животные и даже микробы. Это меняет конфигурацию общества и ведёт к отказу от традиционных понятий — интимности и проч. [Paszkiwicz, Ruthven, Segarra, 2021]. Уход от антропоцентризма в этой области выражается в межвидовых семьях, где их членами являются не только люди, но и животные (признаваемые членами семей), а социальным работникам предписывается учитывать этот факт в своей деятельности [Laing, 2020]. Постгуманистическая мысль рассматривает животных и растения как виды — компаньоны человека, а многочисленные исследования теперь определяют «растительное мышление», «животность» как таковую и взаимосвязь людей с другими формами жизни или даже с неживой материей.

Пятый круг проблем — *власть и насилие*. Традиционные формы господства определяются как следствие антропоцентризма и доминирования одного биологического вида (человечества) над другими. Антропоцен порождает дискриминацию, а последняя формирует господство одних видов над другими. Это предполагает внутреннюю структурную организацию социума, генерирование иерархии в котором подчинено задаче дарвинистической борьбы за существование. Поэтому гуманизм, ассоциирующийся с отсутствием насилия, в действительности воспроизводит его, демонстрируя неспособность человечества предотвратить насилие и войны. Более того, именно человечество (как биологический вид), в отличие от животных, продемонстрировало наивысший уровень жестокости [Oberauer, 2021]. Появление искусственного интеллекта меняет характер войны, ведя к замене традиционных армий роботами, способными как уничтожать людей (роботы-убийцы), так и спасать их (роботы-врачи). Мотивация их действий не предполагает эмоций как позитивных, так и негативных, но, по крайней мере, исключает убийство с целью удовольствия или чувства мести и целиком зависит от выполнения заложенных программ.

Вера в позитивный характер воздействия искусственного интеллекта определяет идеалистический постулат о возможности перехода к более гармоничному и справедливому социальному порядку, роднящий это учение с утопическими идеями анархизма и коммунизма. Но на чём основано убеждение, что мыслящие роботы или сверхлюди, почувствовав вкус неограниченной власти, не захотят использовать её в полной мере?

Политика постгуманизма: новые инженеры человеческих душ

Политика постгуманизма — направленное разрушение традиционных социальных иерархий и форм господства с заменой их новыми и, как предполагается, более справедливыми. Это означает отказ от иерархий, которые самим фактом своего существования генерируют дискриминации между людьми по разным признакам — таким как пол, раса и класс, экологическое неравенство, колониализм, рабство, патриархальная семья, неограни-

ченный государственный суверенитет и поддерживающие их структуры международного права [Hohmann, Schwobel-Patel, 2023].

Ключевыми объектами критики выступают такие традиционные институты, как семья, собственность и государство, которые, как полагал ещё Ф. Энгельс, воспроизводят дискриминационные формы иерархии, господства и подчинения и, следовательно, должны быть трансформированы или отвергнуты в будущем. Феминизм, отмечает Брайдотти, был одним из «предшественников постчеловеческой мысли», поскольку оба подхода пытаются заменить «дискриминационные унитарные категории» — такие как антропоцентризм — альтернативными способами мышления [Брайдотти, 2021]. Так называемое «постгуманистическое феминистское международное право» — направление мысли, транслирующее этот комплекс представлений в интернациональной перспективе [Arvidsson, 2024].

В качестве альтернативы существующим вертикальным иерархиям выдвигаются горизонтальные структуры взаимодействия, основанные на сетевых коммуникациях, инклюзивности и расширенных системах доступа. Это структуры так называемой делиберативной демократии, электронного самоуправления и Интернет-конституционализма. Ключевым фактором, меняющим механизмы принятия решений, признаётся искусственный интеллект, прежде всего глобальные нейросети, особенно в контексте их взаимодействия с телом человека и его модификациями под их воздействием. В социальной практике выдвигаются социальные структуры, изначально не имеющие человеческого или вообще биологического происхождения, пересматривающие традиционные рамки национального и международного права, основанные на понятиях подавления, исключения и насилия. Эти постулаты, несомненно выражающие анархический ингредиент в философии постгуманизма, оставляют открытым вопрос о том, как возможно глобальное управление и каковы те центры принятия решений, которые способны урегулировать противоречия нового социума.

Цель этих изменений — создание нового человека. Разрушая бинарность, закреплённую в евро-американской традиции, постгуманизм рассматривает перспективы совершенствования человека, расширения искусственного интеллекта и этики этих разработок, поскольку они влияют на людей, закон, концепции «личности» и социальный порядок. Доминирующими становятся два типа реакции — смирение перед неизбежным саморазрушением человека как биологического вида или его превращение в сверхчеловека, способного творить новую реальность, целенаправленно изменяя свою собственную природу с использованием биотехнологий, генной инженерии или вообще замены человека более совершенным искусственным интеллектом. Фактически категория постчеловеческого состояния — это воспроизводство библейской картины гибели и спасения, превращения людей в чудовищ или богов.

Границы возможного вмешательства науки в регулирование человечества как биологического вида определяются технологиями. Мы, считают постгуманисты, наконец, вышли за пределы наших биологических тел и становимся постлюдьми, благодаря технологическим достижениям — от генетических манипуляций и интерфейсов мозг-компьютер до нейропротезирования и робототехники. Мы перестали быть существами, сформированными в ходе длительной эволюции и уже переделали себя. С этой точки зрения необходимо решить новые социальные, этические и политические вопросы, которые ставят эти технологические разработки, будь то ограничения этического и правового характера или дилемма возложения ответственности на искусственный интеллект (роботы).

Степень радикальности позиций разных течений постгуманизма определяет ответы на вопросы, поставленные наукой [Oberauer, 2021]: каковы допустимые границы генной инженерии; можно ли использовать генную терапию для клонирования, применять её на эмбрионе, если невозможно получить от эмбриона согласия на лечение; не ведёт ли генная терапия к растущему разделению бедных и богатых, когда только последние смогут

увеличить продолжительность и качество жизни; каковы вообще границы применения биоинженерии за пределами чисто медицинских целей? Каков механизм контроля за принятием решений в этой области, если они в возрастающей степени зависят от технологий? Наконец, кто будет выступать дизайнерами этих биотехнологических программ, концентрируя ресурсы и власть над жизнью и смертью?

Переход к постгуманизму меняет привычный социальный порядок. Современность, говоря словами Р. Брайдотти, многомерна, власть — многослойна, когнитивный капитализм настроен на бионетику и информационные коды, позволяя переосмыслить природу господства и насилия. Постгуманизм рассматривает самого человека как сборку, эволюционирующую совместно с другими формами жизни, переплетённую с окружающей средой и технологиями [Nayar, 2023]. Каким будет человек будущего, зависит от его конструкторов. Ключевая проблема — программирование: кто станет инженерами человеческих тел и душ? Это делает этику программирования ключевой областью воздействия на социум, а программистов — новым слоем социальных дизайнеров.

Заключение. Постгуманизм как диагноз нашей эпохи

В целом постгуманизм — это антиутопия, имеющая высокие шансы на самореализацию в условиях эрозии традиционных социальных иерархий и усиления технологического компонента социального регулирования. В этом нет ничего фатального: антиутопии — это площадки, где проверяются наихудшие сценарии. Но в качестве идеологической программы постгуманизм проверяет прочность границ социума, а в своих крайних проявлениях представляет одну из версий популистского диагноза новой эпохи, имеющую, подобно коммунизму, выраженные параметры самореализующегося прогноза.

Основные аргументы против этой теории таковы: метафорическое мышление вместо научного, размывание познания с заменой его представлениями (если не предрассудками и химерами); отказ от достижений цивилизации, основанных на иерархии; возвращение к стереотипам тотального господства под видом отказа от него. Социальная программа постгуманизма внутренне противоречива. В качестве социологической концепции это рациональное конструирование новой социальной реальности, окрашенной представлениями о справедливости и преодолении неравенства в космическом масштабе. Но отрицая неравенство и эксплуатацию, постгуманизм вводит её новые формы. Как часто бывает, теория постгуманизма, разрушая традиционную легитимность во имя равенства и предлагая альтернативу ей, в сущности, закладывает основы новой теории неравенства, господства и власти.

Теперь это — постчеловеческая легитимность (постулирующая единство человека с природой в разных проявлениях), разделение по линии новых форм господства (потребителей и производителей соответствующих технологий), основанных на искусственном интеллекте и биотехнологиях, и власти особого типа постчеловеческой касты — людей-роботов, обладающих преимуществами биологических и технических механизмов. Отрицая иерархию, капитализм, расизм, колониализм и эксплуатацию (исторически определявших прогресс индустриального общества), постгуманизм, следовательно, создаёт другие разделительные линии (машины, люди и сверхлюди), которые могут стать основой для новой дискриминации: теперь уже людей как биологического вида. Проектируемая колонизация биопространства Вселенной — лишь один из возможных вариантов мессианской идеи. Результатом постгуманистического проекта может стать новая конструкция власти — технически рациональной, лишённой эмоций и вполне безжалостной.

Вклад технологий в изменение природы человека действительно важен и нуждается в переосмыслении. Но каковы критерии оценки этих изменений и должны ли они

априорно воспроизводить постгуманистическую парадигму? Сама постановка проблемы различия человеческого и нечеловеческого миров не является принципиально новой и присутствует в гуманистических теориях. Возможно, людям, благодаря технологиям биоинженерии, удастся избежать ограничений дарвиновской эволюции, но это не является исключительным достижением нашей эпохи — взаимодействие человека с научными технологиями существовало всегда, и в этом смысле люди всегда имели гибридную природу, дополняя себя инструментами и приборами. Современное решение проблем жизни и смерти — продолжение того же спора, и, вопреки технократическим рекомендациям, оценивается преимущественно в гуманистических категориях (например, основной аргумент против бессмертия — не техническая невозможность его достижения, а психологический мотив — скука)¹⁷. Несмотря на технологические достижения, мы остаёмся людьми, а наши тела и души несут на себе оковы реальности. Отказ от гуманизма выглядит, как минимум, преждевременным.

Постгуманизм как философия отрицания гуманизма в случае её осуществления на практике способен стать гораздо более деспотической властью, чем все, ранее возникавшие формы, поскольку даже теоретически биотехнологии могут программировать сознание, а машина отрицает понятие сострадания. В реальности, торжество учения постгуманизма не исключает формы глобального управления, основанной на господстве нового типа менеджеров — экологов, программистов, операторов технических средств и биоинженерий. Это тип системообразующего мифа, легитимирующего синтез традиционализма и технического прогресса, основанный на возможностях контроля, манипулирования и технологий принятия решений без участия человека или с минимальным его участием. Поэтому новая конструкция власти не исключает возникновения ещё большего неравенства и типов господства по иным критериям.

Итак, состоятельность научных аргументов постгуманизма (действительно значимых и интересных) нивелируется их абстрактным характером и идеологической предвзятостью. Можно высказать предположение, что постгуманизм — неточный термин, поскольку объединяет научные гипотезы с идеологической программой социального переустройства. Даже отталкиваясь от гуманизма, мы не способны уйти от него. Ведь мы не сможем поменять своё человеческое восприятие на другое и отказаться от творчества как системообразующего критерия личности. Для описания новых явлений поэтому достаточно одной категории — гуманизм, который исторически может иметь разный смысловой потенциал. Его масштаб определяется степенью осознания человечеством проявлений дискриминации, и именно в соответствии с этим меняется исторический объём этого понятия. Если сегодня явления, ранее казавшиеся естественными (такие, как эксплуатация природы, животных или других людей), начинают восприниматься как противоестественные — это значит, что пришло время переосмыслить их с позиций гуманизма, но не его отрицания. В качестве альтернативы постгуманизму уместно предложить для обсуждения новую формулу — рационализированный гуманизм.

¹⁷ Впрочем, мечты о бесконечном продлении человеческой жизни не новы. Их всплеск, очевидно также вдохновленной достижениями науки того времени, отмечался и в начале XX в. А Бернард Шоу даже написал цикл из пяти пьес «Назад к Мафусаилу» (завершён в 1921 г.), где затронул эту тему. Ему ответил Карел Чапек. Еще в 1918 г. в статье «Философия и жизнь» он усомнился в том, что бессмертие принесет человеку счастье, а героиней своей знаменитой пьесы «Средство Макропулоса» (1921г.) сделал великую певицу Эмилию, прожившую 337 лет. Причём автор «законсервировал» её в тридцатилетнем возрасте, дал ей силу, красоту, талант, дающий возможность творческой жизни. Но внимательный слушатель замечал, что от её технически безупречного пения веет холодом. А устами Эмилии в последнем акте пьесы автор говорит: «Искусство имеет смысл, когда им не овладел. А как овладеешь, то видишь, что всё это зря <...> До ста, ста тридцати лет ещё можно выдержать, но потом <...> начинаешь понимать, что... потом душа умирает <...> Скука. Нет, даже не скука <...> у вас, людей, для этого просто нет названия». — К. Чапек. Собрание сочинений в 7 т. Т. 4. Пьесы. — М.: Худ. лит. 1976. С. 352. Для Чапека одна из ценностей жизни заключалась в её кратковременности.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCE

- Брайдотти Р. (2021). *Постчеловек* [Braidotti R. (2021). Posthuman]. — М.: Изд. Института Гайдара.
- Бритиков А.Ф. (1970). Русский советский научно-фантастический роман. [Britikov A. (1970). Russian-Soviet Science-Fiction Novel]. — М.: Наука.
- Вольтер. (1985). *Философские повести* [Voltaire (1985). Philosophical Novels]. — М.: Правда.
- Ламетри Ж.О. (1983). Человек-Машина [La Mettrie J. (1983). Man-Machine] / Ж.О. Ламетри (1983). *Сочинения*. — М.: Мысль. С. 169–226.
- Медушевский А.Н. (2024). Постгуманизм: научная теория, социальная утопия или новая идеология господства? Ч. I [Medushevskiy A. (2024). Post-humanism: Academic Theory, Social Utopia or the New Ideology of Political Dominance? Part I] // *Вопросы теоретической экономики*. № 3. С. 171–185.
- Уэллс Г. Дж. (2021). *Открытый заговор* [Wells H. (2021). Open Conspiracy]. — М.: Кислород.
- Харари Ю.Н. (2018). *Номо Деус. Краткая история будущего* [Harari Y.N. (2018). Homo Deus. A Short History of Future]. — М.: Синдбад.
- Харауэй Д. (2017). *Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х* [Haraway D. (2017). Cyborg Manifesto: Science, Technology, and Socialistic Feminism of 1980-es]. — М.: Ad Marginem Пресс.
- Циолковский К. (1960). *Путь к звёздам: Сборник научно-фантастических произведений* [Tsiolkovskiy K. (1960). The Way to Stars. The Collection of Science-fiction Essays]. — М.: Изд. АН СССР.
- Alix L.L. (2023). A Post-humanist and Anti-capitalist Understanding of the Rights of Nature (with a coda about the commons) // *Oñati Socio-Legal Series* Vol.13. No. 3. Pp. 1003–1035.
- Arvidsson M. (2024). Posthuman Feminism as a Theoretical and Methodological Approach to International Law // *International Law and Posthuman Theory*. / Ed. by M. Arvidsson, E. Jones. — N.Y. Routledge. Pp. 31–59. URL: chrome-extension://efaidnbnmnnibpcajpcgclcfndmkaj/https://library.oapen.org/bitstream/handle/20.500.12657/86855/9781032658032_10.4324_9781032658032-3.pdf?sequence=1&isAllowed=y (access date: 25.06.2024).
- Balisteri M. (2023). Gamete Space Colonization: Why Space Colonization Based on Gametes is Morally Preferable to Colonization Based on Embrios // *Journal of Posthuman Studies*. Vol. 7. No. 1. Pp. 7–23.
- Braidotti R. (2019). *Posthuman Knowledge*. — Cambridge: Polity Press.
- Braidotti R. (2021). *Posthuman Feminism*. — Cambridge: Polity Press.
- Braman S. (2023). *Posthuman Law: Information Policy and the Mechanic World*. URL: <https://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/view/1011/932> (access date: 25.06.2024).
- Clarke A. (1968). *2001: A Space Odyssey*. — N.Y.: New American Library.
- Davies M. (2021). Re-forming Property to Address Eco-social Fragmentation and Rift // *Journal of Human Rights and the Environment*. Vol. 12. Special Issue. Pp. 13–37.
- Genome Editing (2023). URL: <https://www.genome.gov/about-genomics/policy-issues/what-is-Genome-Editing> (access date: 25.06.2024).
- Global Risks Report (2023). URL.: <https://www.weforum.org/publications/global-risks-report-2023/digest> (access date: 25.06.2024).
- Greely T. (2020). *Human Reproductive Cloning: the Curious Incident of the Dog in the Night Time*. STAT. 21.02.2020. URL: <https://www.statnews.com/2020/02/21/human-reproductive-cloning-curious-incident-of-the-dog-in-the-night-time> (access date: 25.06.2024).
- Hohmann J.M., Schwobel-Patel Ch. (2023). A Monument to E.G. Wakefield: New and Historical Materialist Dialogues for a Posthuman International Law // *International Law and Posthuman Theory*. / Ed. by J. Arvidsson. 2023. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4382009 (access date: 25.06.2024).
- Human Cloning- an overview (2023). URL: <https://www.sciencedirect.com/topics/biochemistry-genetics-and-molecular-biology/human-cloning> (access date: 25.06.2024).
- Immortality (2022). URL: <https://www.templeton.org/discoveries/immortality-research> (access date: 25.06.2024).
- Käll J. (2017). A Posthuman Data Subject? The Right to Be Forgotten and Beyond // *German Law Journal*. Vol. 18. No. 5: Special Issue Traditions, Myths, and Utopias of Personhood. Pp. 1145–1162.
- Käll J. (2023). *Posthuman Property and Law. Commodification and Control Through Information, Smart Spaces and Artificial Intelligence*. — N.Y.: Routledge.
- Kalpokiene J., Kalpokas I. (2023). Creative Encounters of a Posthuman Kind — Anthropocentric Law, Artificial Intelligence, and Art // *Technology in Society*. Vol. 72. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0160791X23000027> (access date: 25.06.2024).
- Kam H. (2023). New Bottles for Old Wine? On Playing God: Post-and Transhumanism from the Prtspective of Kalam // *Journal of Posthuman Studies*. Vol. 7. No. 1. Pp. 24–50.
- Laing M. (2020). On being Posthuman in Human Species: Critic Posthumanist Social Work with Interspecies Families // *International Journal of Sociology and Social Policy*. URL: https://www.researchgate.net/publication/341038396_On_being_posthuman_in_human_spaces_critical_posthumanist_social_work_with_interspecies_families (access date: 25.06.2024).
- Landgraf E. (2023). *Nietzsche's Posthumanism*. — Minneapolis: University of Minnesota Press.

- Langlois A. (2017). The Global Governance of Human Cloning: the Case of UNESCO // *Humanities and Social Science Communications*. 21.03.2017. URL: <https://www.nature.com/articles/palcomms201719> (access date: 25.06.2024).
- Lindroos-Hovinheimo S. (2021). *Private Selves*. — Cambridge: Cambridge University Press.
- Nayar P.K. (2023). *Posthumanism*. URL: <https://www.oxfordbibliographies.com/display/document/obo-9780190221911/obo-9780190221911-0122.xml> (access date: 25.06.2024).
- Norman J. (2022). *Posthuman Legal Subjectivity. Reimagining the Human in Anthropocene*. — N. Y.: Routledge.
- Oberauer A.N. (2021). *Posthumanism: A Philosophy for the 21st Century?* Digitalization, Gene-edited Babies and Climate Crisis: is Humanity Doomed or Simply Outdated? Posthumanism's philosophical framework asks these questions. 05.09.2021 URL: <https://www.thecollector.com/posthumanism-philosophy-of-the-21st-century/> (access date: 25.06.2024).
- Palgrave Handbook of Critical Posthumanism (2022). S. Herbrechter, M. Rossini, M. de Bruin-Mole, C. Muller (Eds.). — N.Y.: Springer International Publishing.
- Paszkiwicz K., Ruthven A., Segarra M. (2021). «Posthuman kinship» // *Dictionary of Gender in Translation*. 25.05.2021. URL: <https://worldgender.cnrs.fr/en/entries/posthuman-kinship/> (access date: 25.06.2024).
- Posthuman Legalities: New Materialism and Law Beyond the Human* (2021). A. Gear, E. Boulot, I.D. Vargas-Roncancio, J. Sterlin (Eds.). — Northampton: Elgar.
- The Bloomsbury Handbook of Posthumanism* (2020). M.R. Thomsen, J. Wamberg (Eds.) — N. Y.: Bloomsbury Academic.
- Wolfe C. (2010). *What is Posthumanism?* — Minneapolis, London: University of Minnesota Press. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://www.filosoficas.unam.mx/docs/611/files/Sesion%2016/Wolfe_What_Is_Posthumanism.pdf (access date: 25.06.2024).
- Zenou T. (2022). The Long and Gruesome History of People trying to Live Forever // *The Washington Post*. 01.05.2022. URL: <https://www.washingtonpost.com/history/2022/05/01/immortality-gilgamesh-bezos-thiel/> (access date: 25.06.2024).

Медушевский Андрей Николаевич

amedushevsky@mail.ru

Andrei Medushevskiy

Doctor of Science (Philosophy), Tenured Professor. Higher School of Economics (Moscow)

amedushevsky@mail.ru

POST-HUMANISM: ACADEMIC THEORY, SOCIAL UTOPIA OR THE NEW IDEOLOGY OF POLITICAL DOMINANCE? (PART II)

Abstract. The Post-humanist rethinking of the current social condition put under question many important paradigms of science and technologies. New social reality is determined by progressive dissolution of the itinerary line between human being and machine. That involves three principal areas of human transformation: technological (transplantation of technical devices into human body); biological (the use of bio-technologies of genome editing, and human cloning for the development of neo-eugenic program), and ethical one (the empathic characteristics of super-human beings or bio-robots under creation). This area of investigations includes the rethinking of basic postulates of classic humanist philosophy regarding the role of human intellect, race and gender, life and death, immortality, power and violence, and creation of a new super-human being as a result of the current bio-technological transmutation. The special part of this debate is the role of artificial intellect and its controversial impact in transformation of the human condition itself. By doing this critical work, different post-humanist, or trans-humanist theorists argues the impact of cognitive sciences, neurosciences, bioethics, cybernetic, artificial intellect, new legal regulations and respective technologies in construction of a new man, family, property, society, and political order, presumably more fair, inclusive, and prosperous. The author put this complex of theories under critical analysis showing the changing place of such components as science, technology, ideology, and political implications of post-humanist movement and programmatic regarding its impact in the formation of principally new concept of social hierarchy, power and dominance, perhaps, potentially even more authoritarian than ever before. He separates populist and scientific implications of post-humanism describing it as a mental diagnosis of our epoch. Among his important conclusions is the proposal of rationalized humanism notion as theoretical alternative to post-humanism definition.

Keywords: *humanism, post-humanism, trans-humanism, anthropocentrism, human rights, animal's rights, artificial intellect, bio-robots, social hierarchy, power, dominance, rationalized humanism.*

JEL: B59, K19, O10.